

Значеніе ветхозавѣтнаго священства¹⁾.

1. Въ своемъ сочиненіи „Исторія ветхозавѣтнаго священства“ мы старались прежде всего доказать, что ветхозавѣтное священство имѣло важное религіозное значеніе. Правда, какъ начальная форма священства, и въ особенности по сравненію съ новозавѣтнымъ священствомъ, оно отличалось общимъ и прообразовательнымъ характеромъ, но это не исключаетъ все-же его значенія,

Какъ извѣстно изъ священнаго Писанія, сущность первосвященническаго служенія Господа нашего Иисуса Христа заключается въ Его искупительныхъ страданіяхъ и крестной смерти. „Якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, такъ подобаетъ возвестися Сыну Человѣческому“ (Іоан. 3, 14), да всякъ вѣруй въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (стр. 15), говоритъ самъ Господь Иисусъ Христосъ. О томъ же самомъ свидѣтельствуетъ и апостолъ Павелъ, говоря, что „Христосъ, первосвященникъ будущихъ благъ, пришедши... не съ кровію козловъ и тельцовъ, но съ своею кровью, однажды вошелъ во святилище и приобрѣлъ (для насъ) вѣчное искупленіе“ (Евр. 9, 11—12. Срв. 1 Петр. 1, 18—20). Но чтобы хотя нѣсколько приблизить эту тайну искупленія къ пониманію человѣка если не умомъ, то сердцемъ его, и была установлена ветхозавѣтная, наглядная форма священ-

¹⁾ Рѣчь, сказанная въ засѣданіи Совѣта Академіи. 20 января 1904 г., при защитѣ диссертациі на тему: Исторія ветхозавѣтнаго священства.

ства, очищавшаго черезъ принесеніе въ жертву непорочнаго агнца человѣка отъ грѣховъ. „Жертва, говоритъ книгъ Левитъ, (есть) великая святыня и дана (Израилю), чтобы снимать грѣхи съ общества и очищать его предъ Господомъ (Лев. 10, 17), а священникъ, совершавшій это жертву „очищаетъ (ею) согрѣшившаго отъ грѣха, которымъ тотъ согрѣшилъ и прощено будетъ ему“ (Лев. 4, 35). Въ этомъ то наглядномъ, прообразовательномъ представленіи таинственной новозавѣтной жертвы и заключалось первое религіозно значеніе ветхозавѣтной жертвы и священства.

Второе же религіозное значеніе его заключалось въ томъ, что оно уже выполняло послѣднюю цѣль священства,—приводило очищаемаго отъ грѣховъ человѣка къ примиренію и единенію его съ Богомъ, для полученія вѣчной блаженной жизни. Указаніе на это значеніе заключается въ замѣчательныхъ словахъ пророка Моисея. „Завтра Господь укажетъ, кто Его и кто святъ, чтобы приблизить его къ Себѣ, и кого Онъ изберетъ того и приблизитъ къ Себѣ“ (Чсл. 16, 7). Изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что конечная цѣль священническаго служенія заключается въ особомъ освященіи и приближеніи священника къ Богу для божественнаго общенія съ Нимъ. Въ силу жъ посредническаго значенія священства, и всякій вѣрующій приносившій себя при совершеніи вещественной жертвы священникомъ „въ живую и благоугодную жертву Господу“ (1 Петр. 2, 5. Рмл. 12, 1), тоже вступалъ въ блаженное общеніе съ Нимъ. Особенно ясно выражена эта мысль въ извѣстныхъ словахъ псалмопѣвца: „Жертва Богу—духъ сокрушенъ; сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ (Псл. 50, 19).

Но что особенно ясно было указано въ ветхозавѣтномъ священствѣ, даже по сравненію съ священствомъ новозавѣтнымъ,—такъ это необходимость священства какъ особаго избраннаго и освященнаго Богомъ посредническаго служенія въ дѣлѣ примиренія грѣшнаго человѣка со святѣйшимъ Господомъ. Дѣйствительно, книгъ

Моисеевы подробно говорятъ объ особомъ избраніи Господомъ Левіина колѣна, посвященіи его Моисеемъ на служеніе, и надѣленіи его особымъ кругомъ обязанностей и правъ. Но мало этого: въ вышеприведенныхъ словахъ Моисея мы находимъ и теоретическое обоснованіе необходимости священническаго служенія. Когда Корей и другіе мятежники возстали противъ особаго, Левіина священства, то Моисей, по повелѣнію Господа, и объявилъ, что завтра Господь укажетъ, кто святъ и кіо Его, и кого Онъ изберетъ, того и приблизитъ къ Себѣ“. Изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что не всѣ люди вслѣдствіе своей грѣховности могутъ приблизиться къ Богу, или быть Его священниками, но лишь тѣ, кого Онъ изберетъ, освятитъ и приблизитъ къ Себѣ. Въ этомъ и заключается третье религіозное значеніе ветхозавѣтнаго священства.

2. Перейдемъ теперь къ другому, общественному значенію ветхозавѣтнаго священства въ дѣлѣ развитія общественной жизни Израиля. Еврейскій историкъ І. Флавій въ своей Автобіографіи (§ 1) говоритъ, что „священство было у Евреевъ высшимъ и благороднѣйшимъ сословіемъ и наиболѣе близко стояло къ царямъ, вступая съ ними даже въ родственныя связи, такъ что принцы крови женились на дочеряхъ священническихъ и наоборотъ“. Эти слова древняго историка лучше всего и говорятъ объ общественномъ значеніи ветхозавѣтнаго священства. И дѣйствительно, мы всегда видимъ это священство идущимъ рука объ руку съ царской и другой властью и занимающимъ возлѣ нея второе мѣсто. Такъ во времена вождей Моисей и Іисуса Навина первосвященники Ааронъ и Елеазаръ являются ближайшими ихъ помощниками и сотрудниками. То же было собственно и во времена царей. Въ важнѣйшіе моменты религіозно-общественной жизни народа первосвященники стоятъ возлѣ царей и раздѣляютъ ихъ труды. Такъ, Давиду и Соломону помогаютъ въ устроеніи ими религіозно-общественной жизни первосвященники Авіаѳаръ и Садокъ; царя Іоаса возводитъ на пре-

столъ первосвященникъ Іоддай, а религіозныя реформы царей Езекии и Іосіа поддерживаютъ первосвященники Амасія и Хелкія. Правда, общественное вліяніе священства теперь нѣсколько умалается, но за то послѣ плѣна вавилонскаго власть первосвященника снова возвышается до той степени, на какой она стояла во время вождей и судей, особенно при первосвященникѣ Ілии. По сравненію съ другимъ религіознымъ служеніемъ, пророческимъ, священство имѣло, по нашему имѣнію, болѣе постоянное и вліятельное значеніе въ общественныхъ дѣлахъ, чѣмъ пророчество, являвшееся только въ исключительныя времена народной жизни. Но въ дѣлѣ раскрытія и уясненія мессіанской идеи и теократическаго назначенія народа пророчество имѣло, конечно, первенствующее значеніе.

Такое высокое положеніе ветхозавѣтнаго священства не зависѣло отъ его кастоваго устройства со всѣми крайностями его: борьбою съ высшимъ сословіемъ и презрѣніемъ къ низшимъ, какъ это было съ жречествомъ Египта и Индіи. Еврейское священство роднилось не только съ царскимъ домомъ, каковъ, напр., былъ бракъ первосвященника Іоддая съ дочерью царя Іорама, но и съ низшими сословіями; такъ, Верзельій галаадитянинъ породнился съ священническимъ домомъ Обадіи (1 Езд. 2, 61). Лучшимъ же свидѣтельствомъ того, что священство не вело борьбы съ царскою властью, служить неоднократная защита династіи Давида со стороны первосвященниковъ; такъ, напр., первосвященникъ Садокъ участвуетъ въ возведеніи на престолъ Соломона, а первосвященникъ Іоддай—царя Іоаса.

Точно такъ же не объясняется высокое положеніе священства среди Израиля и имущественнымъ или земельнымъ богатствомъ его, какъ то было въ тѣхъ же древнихъ странахъ, гдѣ касты жрецовъ владѣли $\frac{1}{3}$ всей государственной земли. Еврейское же священство имѣло лишь нѣсколько родовъ для жительства, небольшіе выгоны для пастбы скота,

и не всегда исправно платимую народомъ десятину для пропитанія.

Правда, такое матеріальное положеніе ставило священство въ большую зависимость отъ свѣтской власти и вовлекало его въ излишнія мірскія заботы, но все-же священство никогда не забывало въ общемъ своего назначенія. Лучшимъ свидѣтельствомъ того, что среди священства всегда бывали достойные представители его, служить появленіе изъ его среды пророковъ; таковы, напр., были пророки, явившіеся во времена крайняго упадка религіозно-нравственной жизни народа,—Іеремія, Іезекіиль и др.

3. Наконецъ, мы должны отмѣтить и еще одно значеніе ветхозавѣтнаго священства,—для исторіи ветхозавѣтнаго канона.

Какъ извѣстно, современная отрицательная критика старается перестроить ветхозавѣтную исторію. Указывая на произвольность яко бы прежняго пониманія этой исторіи, критика относитъ образованіе теократіи не ко времени пророка Моисея, а къ послѣдствію періоду. Доказательствомъ этого и служить будто бы исторія ветхозавѣтнаго священства. Тенденціозно разсматривая историческія свидѣтельства о ветхозавѣтномъ священствѣ, заключающіяся въ благословеніяхъ Іакова (49 гл. Быт.) и Моисея (33 гл. Втор.), во Второзаконіи, книгахъ Царствъ, особенно въ 22—23 г. г. 4 кн. Царствъ, у пророка Іезекіиля и пр., критика на основаніи ложнаго пониманія этихъ мѣстъ строить новую исторію ветхозавѣтной теократіи и священства. Въ своемъ сочиненіи мы старались доказать неосновательность такого пониманія этихъ мѣстъ, обыкновенно отрываемыхъ отъ своего контекста и относимыхъ къ другимъ временамъ, чѣмъ самыя книги. Съ другой стороны, въ противовѣсъ критикѣ, мы старались прослѣдить постепенный ходъ исторіи ветхозавѣтнаго священства, въ нарушеніи котораго упрекаетъ богослововъ критика.

Особенно же подробно разсмотрѣли мы свидѣтельства о ветхозавѣтномъ священствѣ Второзаконія и 4 кн. Царствъ, а также книги пророка Іезекіиля, и не нашли противорѣчій между Второзаконіемъ и средними книгами Моисея, или указанія на образованіе новыхъ степеней священства въ 4 кн. Царствъ; книга же пророка Іезекіиля, считаемая критикой за камень преткновенія для представителей положительнаго направленія, подобно древнимъ Евреямъ признана была нами за пророческую, а не историческую, т. е. рисующею положеніе священства во времена мессіанскія, а не послѣднюю эпоху Израиля. Такъ падаетъ искусно построенное критикою зданіе новой теократіи Еврейскаго народа и его священства. Попытка критики приложить къ священной исторіи теорію эволюціи должна быть признана въ концѣ концовъ несостоятельной.

Вотъ этой-то современностью пересмотра исторіи ветхозавѣтнаго священства и объясняется въ особенности появленіе нашего сочиненія.

Священникъ Гр. Ключаревъ